

Историко-литературный фон раннего творчества Н. В. Гоголя

В. Д. ДЕНИСОВ

(РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)

Статья посвящена историческим, историософским и литературным факторам, которые обусловили на рубеже 1820–1830-х годов интерес к истории Украины и значительно повлияли на раннее творчество Н. В. Гоголя.

Ключевые слова: романтизм, ранняя проза, Н. В. Гоголь, украинские козаки, поэтическая история, Малороссия.

Читателя (а тем более исследователя!) гоголевской прозы поражает и привлекает та степень слияния ее героев с окружающим, которая обусловила «живучесть» этих образов в читательском сознании. Видимо, писатель применял универсальную модель отношений человека и мира, характерную для русского романтизма в конце 1820-х — середине 1830-х годов, когда под воздействием «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина, исторического европейского романа (в основном — романов В. Скотта), трудов отечественных и европейских историков и философов складывается историзм новой русской литературы, определенный тип художника-историка, когда исторические штудии видятся литературой, а многие авторы-повествователи, вслед Карамзину, — историками...

При этом исторические занятия Н. В. Гоголя, так же как А. С. Пушкина, М. Н. Загоскина, Н. А. Полевого и других серьезных писателей, были ориентированы на постижение закономерностей национальной жизни. Подразумевалось и практическое применение знаний: в «контексте времени» художественное произведение все больше представляется объективным, почти научным рассмотрением настоящего сквозь «призму» прошлого — будь то исторический роман, трагедия или поэма.

Подобная актуализация исторической тематики предполагала неизбежность основ национального характера и национальной жизни, сформировавшихся под воздействием физических (природных, в основном географических), а также исторических (соседство других народов, войны, нашествия и проч.), экономических (земледелие, производство,

торговля) и других факторов и «духоносного» (религиозного, культурного) идеала общества. Эта романтическая концепция, по мысли Гоголя, и определила «идею об одном великом целом, об одной единице, к которой должны быть приведены и в которую должны слиться все времена и народы» (Гоголь, 1952: 85). Согласно ей в своем развитии человечество, народ и его культура проходят путь от детства через юность и зрелость к старости — подобно отдельному человеку (*организму*) и природе, что живет по естественным (*органическим*) циклам: смена времени суток, времен года и под. Духовное же развитие каждого человека, особенно творчество художника, по-своему отражает этапы жизни его народа и всего человечества, будучи своеобразно с ними соотносено, а потому опережает возрастную (*органический*) цикл развития, но иногда может и отставать от него (об этом см.: Гулыга, 1977).

Романтическая идея уподобления человека окружающему его миру явно восходит к христианской легенде о сотворении мира и человека, когда земное, материальное, «телесное» начало было одухотворено небесным, возвышенным, божественным. Поэтому для романтиков проявления познающего мир человеческого духа: фольклор, искусство и науки — божественны как феномены животворящего Мирового Духа, их возникновение и развитие обусловлено извечным противоречивым единством земного хаоса (телесного, неодухотворенного, вещного, косного) и небесного космоса (божественного, духовного, гармоничного). И субъект познания — в качестве такового может выступать не только художник, ученый, но и целый народ, — анализи-

руя и моделируя (одухотворяя) мир, становится демиургом, противопоставит разрушению и в этом отчасти уподобляется своему Создателю. А художник-историк обязан воссоздать обстоятельства, в которых действует типичный герой, в какой-то мере представляющий весь народ, его происхождение и окружение, его путь, и при этом учитывать «возрастные» интенции общества на данной ступени развития, по возможности живописуя их (например, М. П. Погодин в «Исторических афоризмах и вопросах» писал о Художнике-Историке, Историке-Поэте, в чьем творчестве народ узнает себя [Погодин, 1827, ч. 1: 113; ч. 4: 306–307]). Подобное обожествление художника так или иначе приводило к сакрализации образа Автора. Однако при этом ему или другому художнику-создателю мог быть противопоставлен демонический «двойник», некий Фауст, который только анализировал мир, «разнимая» его на части, дабы понять и опровергнуть божественную гармонию.

Согласно «возрастной» теории молодость, юность России определены и ее особым, «евроазиатским» пространственным размахом, и Православием — ее природной «греческой верой» (в противоположность католицизму), и самим историческим путем, «прерывистым» из-за татаро-монгольского нашествия, на века отдалившего страну от европейской культуры — ныне «старой», которая исчерпывает возможности развития. Украина как «полуденная Россия» с этой точки зрения парадоксально воспринималась и старше, и моложе. Она — прямая наследница Древней Руси и потому старше своей великой сестры: это «колыбель» Российского государства, где жили предки, строились первые города, где проповедовал апостол Андрей Первозванный. Но при распаде Руси эти земли оказались под властью Литвы, затем вместе с ней были фактически аннексированы Речью Посполитой и лишь после долгих мытарств волею народа были возвращены в состав России. Все это время Украина фактически не имела своей государственности, а потому сохранила некоторые «младенческие» черты Киевской Руси, славянского мировосприятия, единства с природой, напоминающие Грецию или Италию. Так что

с точки зрения Российской империи «отдельной» истории Малороссии не существовало.

И потому Д. Н. Бантыш-Каменский во «Введении» к официозной «Истории Малой России, от присоединения ее к Российскому государству до отмены гетманства...» объяснял, как религиозно-освободительная борьба привела украинцев к воссоединению с Россией (Бантыш-Каменский, 1822). Появление «Истории» стало событием для украинцев — и Гоголь, видимо, ее читал еще в родительском доме или в библиотеке Д. П. Трошинского. В середине 1820-х годов, возможно, как отклик на этот труд стала ходить в рукописи «История Русов или Малой России» (опубликовано в 1846 г.; о ней см.: Казарин, 1986), приписывавшаяся архиепископу Георгию Конисскому, которая именовала украинцев «русским народом», повествовала о его бедствиях, борьбе и неисчислимых жертвах во времена польско-католической экспансии после введения Унии 1596 г. «История Русов» стала известна Гоголю лишь в Петербурге по списку либо А. С. Пушкина¹, либо О. М. Сомова, уроженца Слободской Украины, журналиста, переводчика, автора малороссийских повестей, фактического редактора альманаха «Северные цветы» и «Литературной газеты», которому Гоголь, видимо, был обязан публикациями в этих изданиях. Кроме того, он имел свои основания доверять «Истории Русов»: Г. И. Конисский был сыном бургомистра Нежина и ректором Киевская Духовная академия в то время, когда там учился дед Гоголя.

Особое значение имел тот факт, что к началу русско-турецкой войны в 1828 г. войско задунайских запорожцев во главе с кошевым атаманом Осипом Гладким перешло на российскую сторону, повернув оружие против турок. В то же время внимание к истории Малороссии привлекло и возмутившее Россию требование шляхты вернуть Польше принадлежавшие ей ранее украинские земли, охотно подхваченное французскими газетами. Кровавое Польское восстание 1830–1831 гг. донельзя обострило застарелые вопросы русско-украинско-польских отношений. Чтобы ответить на них, художник-историк (по романтической концепции, именно он представ-

ляет свой народ, как «истинный сын своей страны» В. Скотт, создавший поэтическую историю Шотландии) должен был показать роль каждой стороны в конфликте. Украину представляло Козачество, во главе с Богданом Хмельницким освободившее страну от польского владычества, а значит, вопросы о том, кто такие козаки², откуда они взялись и каково их значение, становятся принципиальными для художественно-исторических сочинений такого рода.

Показателем возросшего интереса к Малороссии служит и заметно увеличившееся в 1829 г. количество «украинских» публикаций. Среди них первой и, несомненно, главной стала поэма А. С. Пушкина «Полтава». Малороссийские повести «Терешко» и «Козацкие шапки» И. Г. Кулжинского напечатал «Дамский журнал» (№ 24, 32, 34–35), альманах «Подснежник» — «Русалку. Малороссийское предание» Порфирия Байского (О. М. Сомова); в альманахе «Северные Цветы на 1830 год» (СПб., 1829) появились «Малороссийская песня» И. П. Котляревского и «Малороссийская мелодия» А. А. Дельвига, в журнале «Московский телеграф» (№ 11–12, 23) — стихотворения Н. Маркевича, затем составившие книгу «Украинские мелодии», а журнал «Сын отечества и Северный архив» в № 41 поместил «Сказание о Хмельницком» выпускника Нежинской гимназии В. И. Любича-Романовича. Именно с 1829 г. Гоголь начинает пополнять собранный исторический материал этнографическими сведениями. Можно полагать, этого требовала «идея времени» о поэтической истории народа, которая бы объяснила черты современного национального характера. В том же году она отчасти была реализована: Н. А. Полевой начал издавать многотомную «Историю русского народа» (М., 1829–1833. Т. 1–6, не завершена), вышел роман М. Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (М., 1829), а чуткий к литературной конъюнктуре Ф. В. Булгарин подготовил исторический роман «Димитрий Самозванец» (М., 1830) (причем и Загоскин, и Булгарин ввели в свои романы образы запорожских козаков).

Чуть раньше попытку изобразить в поэтическом и этнографическом плане украинского

селянина предпринял преподаватель латинского языка Нежинской гимназии И. Г. Кулжинский: в книге «Малороссийская деревня» (М., 1827) он показал Украину как идиллическо-буколический «сокращенный Эдем». Тогда же поэт-историк и фольклорист М. А. Максимович издал сборник «Малороссийские песни» (М., 1827), где — совсем по Гердеру — песни представлялись воплощением духа украинского народа и его развития, а потому являли собой и непреходящую эстетическую, и самостоятельную историческую ценность. Еще через несколько лет уроженец Черниговщины поэт и этнограф Н. А. Маркевич в предисловии к сборнику «Украинские мелодии» напишет о том, что создание поэтической истории страны становится насущной потребностью: «Если станет на то сил моих и времени, быть может, я решусь принести моим соотечественникам и земле, кормившей некогда наших праотцов, а ныне хранящей остатки их, — подробное описание красот исторических, прелестей природы, обычаев, обрядов, одежд, древнего правления Малороссийского» (Маркевич, 1831: XXVII–XXVIII).

Еще позднее М. А. Максимович, выпуская в 1834 г. новый сборник украинских народных песен, определит их значение так: «Это надгробные памятники и вместе живые свидетели отжитой старины. Другие народы в память важных происшествий своих чеканят медали, по которым История часто разгадывает минувшее; события козацкой жизни отливались в звонкие песни, и потому они должны составить самую верную и вразумительную летопись для нового бытописателя Малороссии», — и этим «новым историком Малороссии» был тогда провозглашен «Н. В. Гоголь... автор Вечеров на хуторе близ Диканьки» (курсив автора. — В. Д.) (Максимович, 1834: IV–V).

Молодой Гоголь удостоился этого звания через несколько лет жизни в Петербурге именно потому, что не был самоуверенным «недоучкой», легенда о котором живуча до сих пор. Он уже имел опыт театральных, литературных и «художнических» занятий, предполагавших работу с источниками, определенную систематизацию, без чего не может обойтись серьезный ученый или писатель. Но

изначально он не располагал многими нужными для этого сведениями и больше надеялся на универсальный теоретический «фундамент», который позволил бы построить «здания» истории всеобщей, средневековой, малороссийской, и на государственно-историческую «идею», что все это сделала бы единым целым.

Историческая составляющая раннего гоголевского творчества очевидна. Первоначальный интерес мальчика к истории питали сведения из Священного Писания, в основном сообщенные матерью, рассказы о славном 1812 годе, о Полтавской баталии, родовые козацкие предания и обрывки легенд Полтавщины, а затем книги из библиотеки Д. П. Троицкого, театр в его имении в Кибинцах, поле Полтавского сражения, соборы козаков в Нежине. Более серьезные представления формируются в русле «нежинской школы» (Михед, 1988) под впечатлением событий 1825 г., когда внезапная смерть отца обратила внимание юноши на историю своей семьи. В дальнейшем, судя по письмам Гоголя-гимназиста, развитие исторических взглядов было связано с его самосознанием, освящено христианским Преданием, мыслями о промысле Божьем, идеями Добра и служения людям, пониманием долга человека на Земле (см.: Виноградов, 2001; Жаркевич, 1988, 1989; Якубина, 1997). Видимо, тогда он, влюбленный в театр, представлял историю как театр Божественный — с героями и толпой, «актерами» и «зрителями-существователями». О таком восприятии жизни и ее переосмыслении в отчетливо сатирическом и/или комедийном ключе свидетельствуют письма Г. И. Высоцкому 1827 г. (Гоголь, 1940: 85–88, 99–101), а также драматизированная сатира в пяти картинах «Нечто о Нежине, или Дуракам Закон не писан».

Формирование будущего писателя связано именно с исторической тематикой начиная от ученических подражательных опытов (хотя от них остались только заглавия): поэма «Россия под игом татар», стихотворная трагедия «Разбойники» и славянская повесть «Братья Твердиславичи» (Манн, 1994: 109–110). Поэтому заслуживает внимания догадка, что Гоголь-гимназист писал и «трагедию из исторического прошлого» (Михальский, 1988). Это

могло произойти под воздействием исторической трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов», сцена из которой «Ночь. Келия в Чудовом монастыре» появилась в 1827 г. Тогда же юноша стал заполнять «Книгу всякой всячины, или Подручную энциклопедию» и намекать матери в письмах о «начале великого предначертанного мною здания» (Гоголь, 1940: 117 и др.).

Оригинальные и переводные исторические трагедии в то время считались «вершинами» романтизма, вызывали множество подражаний и были для юного театрала куда ближе романов, вероятно, и потому, что в силу своей условности не требовали особых исторических познаний, житейского и психологического опыта, тех конкретных подробностей и связей, без знания которых или без их учета нельзя создавать прозу. На пьесу указывают начальные записи в «Книге всякой всячины», в большинстве посвященные лексикону, одежде, нравам и малороссиян, и русских — особенно XVII в. — как возможных персонажей Смутного времени. Причем трагедия (конечно же, в стихах!) родственна по жанру драматической идиллии в картинах, и потому мать Гоголя вполне могла перепутать, вспоминая о «двух трагедиях», с которыми Никоша отправился в Петербург. Это находит подтверждение в письме помещика В. Я. Ломиковского от 9 января 1830 г. Явно опираясь на действительные высказывания М. И. Гоголя — своей соседки по имению, он язвительно писал о некоторых «прожектах» ее сына: «...он, быв выпущен из Нежинского училища, нигде не захотел служить, как в одном из министерств, и отправился в столицу с великими намерениями и вообще с общепольными мероприятиями; во-первых, сообщить матушке не менее 6000 рублей, кои он имеет получить за *свои трагедии*; во-вторых, исходатайствовать Малороссии увольнение от всех податей» (подчеркнуто мной. — В. Д.) (цит. по: Манн, 1994: 201). Такое движение от гипотетической исторической драмы к известной нам исторической прозе соответствует общему направлению европейской и русской литературы эпохи романтизма (об этом см.: Петрунина, 1987).

Однако недостаток достоверных сведений позволяет говорить лишь о существовании некой целостной государственно-исторической «идеи», которая разрабатывалась с 1827 по 1830 г. в различных по жанру исторических произведениях — возможно, с привлечением семейной хроники (об этом см.: Денисов, 2006). «Идея» дает начало исторической прозе Гоголя и будет вдохновлять его последующие творческие поиски.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Примечательно, что весной 1829 г. под воздействием «Истории Русов» и растущего интереса к Украине у Пушкина возник замысел исторического труда о Малороссии (см. об этом: Оксман, 1952), в 1836 г. он опубликовал в первом номере своего журнала «Современник» два отрывка из «Истории Русов».

² В слове козак и производных от него, обозначающих, с точки зрения Гоголя, историческую «основу народа», сохранено написание черновых редакций, которое цензура последовательно исправляла на казак.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бантыш-Каменский, Д. Н. (1822) История Малой России, от присоединения ее к Российскому государству до отмены гетманства, с общим введением, приложением материалов и портретами: в 4 т. М. Т. 1.

Виноградов, И. А. (2001) Неизвестные автографы Н. В. Гоголя // Неизданный Гоголь. М.: Наследие. С. 3–38.

Гоголь, Н. В. (1952) Полн. собр. соч. Т. 1–14. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 8.

Гоголь, Н. В. (1940) Полн. собр. соч. Т. 1–14. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 10.

Гулыга, А. В. (1977) Гердер и его «Идеи к философии истории человечества» // Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука. С. 612–648.

Денисов, В. Д. (2006) Мир автора и миры его героев (о раннем творчестве Н. В. Гоголя). СПб.: Изд-во РГГМУ.

Жаркевич, Н. М. (1988) Нежинский период жизни Н. В. Гоголя и становление его исторических взглядов и интересов (к постановке проблемы) // Наследие Н. В. Гоголя и современность: Тезисы докл. и сообщ. Гоголевской конф. Ч. 1–2. Нежин: Изд-во НГПИ. Ч. 1. С. 7–8.

Жаркевич, Н. М. (1989) Н. В. Гоголь и И. С. Орлай (к вопросу о становлении исторических

взглядов и интересов Н. В. Гоголя) // Творчество Н. В. Гоголя и современность: Тезисы докл. и сообщ. Гоголевской конф. Нежин: Изд-во НГПИ. С. 9–10.

Казарин, В. П. (1986) Повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба»: Вопросы творческой истории. Киев; Одесса: Вища школа.

Максимович, М. (1834) Украинские народные песни. М. Ч. 1. Кн. 1–2.

Манн, Ю. В. (1994) «Сквозь видный миру смех...»: Жизнь Н. В. Гоголя. 1809–1835 гг. М.: МИРОС.

Маркевич, Н. (1831) Украинские мелодии. М.

Михальский, Е. Н. (1988) Н. В. Гоголь и эстетическое сознание первой трети XIX в. // Наследие Н. В. Гоголя и современность. Ч. 1. С. 9.

Михед, П. В. (1988) О нежинской литературной школе // Наследие Н. В. Гоголя и современность: тезисы докл. и сообщ. Гоголевской конф. Ч. 1. С. 11–12.

Оксман, Ю. (1952) Неосуществленный замысел истории Украины // Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Изд-во АН СССР. С. 211–221. (Лит. наследство; Т. 58).

Петрунина, Н. Н. (1987) Проза Пушкина (пути эволюции). Л.: Наука.

Погодин, М. (1827) Исторические афоризмы и вопросы // Московский вестник. Ч. 1, 4.

Якубина, Ю. В. (1997) Роль Нежинской гимназии высших наук в формировании религиозных взглядов Н. В. Гоголя // IV Гоголевские чтения: сб. науч. ст. Полтава: Изд-во ПГПУ. С. 118–120.

THE HISTORICAL AND LITERARY BACKGROUND OF THE EARLY WORKS OF NIKOLAI GOGOL

V. D. Denisov

(Russian State Hydrometeorological University)

The article covers the historical, historiosophical and literary factors that caused interest in Ukraine history at the turn of the 1820–1830s and had a significant influence on Gogol's early works.

Keywords: Romanticism, early works, N. V. Gogol, Ukrainian Cossacks, poetic history, Little Russia.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Bantysh-Kamenskii, D. N. (1822) Istoriiia Maloi Rossii, ot prisoedineniia ee k Rossiiskomu gosudarstvu do otmeny getmanstva, s obshchim vvedeniem, prilozheniem materialov i portretami: v 4 t. M. T. 1.

Vinogradov, I. A. (2001) Neizvestnye avtografy N. V. Gogolia // Neizdannyy Gogol'. M.: Nasledie. S. 3–38.

- Gogol', N. V. (1952) Poln. sobr. soch. T. 1–14. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937–1952. T. 8.
- Gogol', N. V. (1940) Poln. sobr. soch. T. 1–14. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937–1952. T. 10.
- Gulyga, A. V. (1977) Gerder i ego «Idei k filosofii istorii chelovechestva» // Gerder I. G. Idei k filosofii istorii chelovechestva. M.: Nauka. S. 612–648.
- Denisov, V. D. (2006) Mir avtora i miry ego geroev (o rannem tvorchestve N. V. Gogolia). SPb.: Izd-vo RGGMU.
- Zharkevich, N. M. (1988) Nezhinskii period zhizni N. V. Gogolia i stanovlenie ego istoricheskikh vzgliadov i interesov (k postanovke problemy) // Nasledie N. V. Gogolia i sovremennost': Tezisy dokl. i soobshch. Gogolevskoi konf. Ch. 1–2. Nezhin: Izd-vo NGPI. Ch. 1. S. 7–8.
- Zharkevich, N. M. (1989) N. V. Gogol' i I. S. Orlov (k voprosu o stanovlenii istoricheskikh vzgliadov i interesov N. V. Gogolia) // Tvorchestvo N. V. Gogolia i sovremennost': Tezisy dokl. i soobshch. Gogolevskoi konf. Nezhin: Izd-vo NGPI. S. 9–10.
- Kazarin, V. P. (1986) Povesť N. V. Gogolia «Taras Bul'ba»: Voprosy tvorcheskoi istorii. Kiev; Odessa: Vishcha shkola.
- Maksimovich, M. (1834) Ukrainskie narodnye pesni. M. Ch. 1. Kn. 1–2.
- Mann, Iu. V. (1994) «Skvoz' vidnyi miru smekh...»: Zhizn' N. V. Gogolia. 1809–1835 gg. M.: MIROS.
- Markevich, N. (1831) Ukrainskie melodii. M.
- Mikhal'skii, E. N. (1988) N. V. Gogol' i esteti-cheskoe soznanie pervoi treti XIX v. // Nasledie N. V. Gogolia i sovremennost'. Ch. 1. S. 9.
- Mikhed, P. V. (1988) O nezhinskoi literaturnoi shkole // Nasledie N. V. Gogolia i sovremennost': tezisy dokl. i soobshch. Gogolevskoi konf. Ch. 1. S. 11–12.
- Oksman, Iu. (1952) Neosushchestvlennyi zamysel istorii Ukrainy // Pushkin. Lermontov. Gogol'. M.: Izd-vo AN SSSR. S. 211–221. (Lit. nasledstvo; T. 58).
- Petrulina, N. N. (1987) Proza Pushkina (puti evoliutsii). L.: Nauka.
- Pogodin, M. (1827) Istoricheskie aforizmy i voprosy // Moskovskii vestnik. Ch. 1, 4.
- Iakubina, Iu. V. (1997) Rol' Nezhinskoi gimnazii vysshikh nauk v formirovanii religioznykh vzgliadov N. V. Gogolia // IV Gogolevskie chteniia: sb. nauch. st. Poltava: Izd-vo PGPU. S. 118–120.

Научная жизнь

17–19 ноября 2011 г. в Московском гуманитарном университете прошла VIII Международная научная конференция «Образование для XXI века». Московский гуманитарный университет провел ее при поддержке и участии Комитета Государственной Думы ФС РФ по образованию, Комитета Совета Федерации ФС РФ по образованию и науке, Департамента образования города Москвы, Института философии РАН, Института психологии РАН, Института социологии РАН, Центра образовательных технологий, Российской академии образования, Национального союза негосударственных вузов, Союза негосударственных вузов Москвы и Московской области, Международной академии наук (IAS, Инсбрук). Ежегодные международные конференции по актуальным проблемам образования проводятся университетом с целью согласования позиций в научном и образовательном сообществе относительно стратегии образования в условиях новых глобальных возможностей и рисков. Первые семь конференций в центр своего внимания поставили высшее образование в России. За прошедшие годы конференция стала признанным форумом, где государственные деятели, видные ученые, организаторы науки и высшего образования ведут дискуссию о судьбах высшей школы.

На VIII конференции основное внимание было уделено проблемам средней школы. В пленарном заседании, работе 2 круглых столов и 7 секций конференции, конференции аспирантов, проведенных за три дня работы конференции, участвовали более 500 человек, они представляли свыше 100 вузов, научных и других организаций. Участники конференции представляли Россию и еще 13 зарубежных стран, в их числе: Австрия, Армения, Белоруссия, Германия, Казахстан, Китай, Куба, Молдова, Монголия, Объединенные Арабские Эмираты, Польша, Украина, Швеция.